

Низкий толстяк был неглуп, несколькими движениями он приблизился, невероятно проворный для своего телосложения, и направился прямо к горлу императора. Казалось, не избежать, но ещё одна ветка прилетела и пронзила его ладонь.

Тань Чжан поднял голову и увидел Цзи Цинбая, спрыгнувшего с дерева. Черная лисья накидка развеялась, открывая бледное и изящное лицо пришедшего.

— Подчиненный опоздал со спасением, — Цзи Цинбай первым делом опустился на колени перед Тань Чжаном, склонив голову в знак преданности, — прошу ваше величество простить вину.

Тань Чжан уставился на его макушку, медленно проговорил:

— Подними голову.

Цзи Цинбай помедлил, но всё же поднял лицо, сохраняя спокойное выражение.

Император внимательно разглядывал его.

Это было мужское лицо, но с страстными, ивовыми глазами.

Низкий толстяк лежал рядом на снегу, стоны от боли то усиливались, то затихали. Тань Чжан наконец отвел взгляд. Он подошел, вытащил из-за пояса длинный тонкий кнут и со свистом взмахнул им в воздухе.

— Кто тебя послал?

Кнут обвился вокруг горла, и хотя не было видно, сколько силы приложил император, низкий толстяк одной рукой ухватился за кончик кнута, глаза вылезли из орбит, лицо быстро налилось багрово-фиолетовым цветом.

Цзи Цинбай нахмурился. Не то чтобы он осуждал жестокость своего Будды, но судя по его прежнему опыту чтения романов, в такой ситуации точно ничего не удастся выпытать.

Как и ожидалось, человек умер лишь после долгого удушения, и вид был настолько ужасен, что даже такому божееству, как Цзи Цинбай, не хотелось смотреть второй раз.

Тань Чжан убрал кнут, протянул его ему и с отвращением приказал:

— Приведи в порядок.

Цзи Цинбай мог лишь молча принять его.

Снег сейчас шел сильный, возвращаться в лагерь было нереально. Цзи Цинбай всё продумал: раз он пропал, Цзэн Дэ наверняка пошлет людей на поиски. Им с Тань Чжаном нужно найти место, чтобы спрятаться и подождать, чтобы не заблудиться в лесу в снегу и не наткнуться на убийц.

Самое главное — его магических сил едва хватало, чтобы поддерживать нынешнее состояние. Те две ветки почти истощили его и без того скудные остатки божественной силы. Как у тяжело больного, предсмертный всплеск — последний рывок на пределе.

Относительно распоряжений этого мало знакомого охранника Тань Чжан редко не высказал возражений.

Спрятаться в глухом лесу было не так уж сложно. Ведь истинная сущность Цзи Цинбая — тапир, найти пещеру для него было легко.

Приведя кнут в порядок и вернув его императору, собрав сухих веток и разведя костер, Цзи Цинбай так устал, что даже говорить не было сил. Он молча стоял в стороне, стараясь быть как можно менее заметным.

Тань Чжан не обращал на него внимания, сам закатал рукав, обнажив на руке ужасающую сине-черную рану.

— Ваше величество отравлены? — Цзи Цинбай очень удивился, ведь раньше император совсем не выглядел раненым.

Тань Чжан оторвал половину рукава, голос его был хриплым:

— Принеси воды.

Цзи Цинбай поспешно взял рукав, вышел из пещеры, набрал снега и, нагрев его на огне, стал очищать рану Тань Чжану.

Император вытащил нож и без выражения лица сделал ещё один надрез, медленно выдавливая отравленную кровь.

Даже будучи обычно очень выносливым, спустя время Тань Чжан тоже стал сдавать. От потери крови легко становилось холодно. Цзи Цинбай, глядя на почерневшие губы императора, снял с себя лисью накидку.

Тань Чжан почувствовал тепло на плечах и, подняв голову, одним взглядом заметил выпавший из-под накидки кошелек.

Цзи Цинбай последовал за его взглядом и в следующую секунду застыл на месте.

В отличие от лифа, на кошельке была вышито имя. И внутри лежала не что иное, как та самая волчья серьга-клык, которую Тань Чжан подарил ему утром.

За долю секунды в голове Цзи Цинбая пронеслось сотни жестоких способов умереть.

Тань Чжан, одной рукой всё ещё выпуская отравленную кровь, а другой, тоже испачканной кровью, с неизменно бесстрастным выражением протянул руку и поднял кошелек с земли.

Цзи Цинбай...

У него был только этот кошелек, и два иероглифа «Цзи Юй» на нем были криво вышиты им самим для вида. Теперь они испачканы, и, вероятно, им больше нельзя пользоваться.

Император внимательно разглядывал, переворачивал кошелек снова и снова, наконец поднял голову, посмотрел на Цзи Цинбая и даже улыбнулся:

— Откуда это?

Цзи Цинбай, не задумываясь, инстинктивно упал на колени и громко произнес:

— Нашел!

Тань Чжан пристально смотрел на него, внутри всё переворачивалось от боли, почерневшие губы дрогнули, и он ах выплюнул кровь.

Цзи Цинбай испугался, поспешил поддержать его ослабевшее тело.

Лицо императора было сине-белым, в глазах читалось желание изрезать его на тысячи кусков:

— Дерзкий!

Цзи Цинбай знал, что тот разгневан, ему было до смерти страшно, и он, потерявшись, выпалил:

— Ваше величество, будьте справедливы, я — с госпожой мы чисты и невинны!

Тань Чжан стиснул губы, глядя на Цзи Цинбая, неясно, о чем думая. Он явно был в ярости, белки глаз покраснели, а розовое родимое пятно в виде лотоса под глазом пылало, как огонь.

Цзи Цинбай был весь в поту. Он знал, что император неправильно понял его, но сейчас любое объяснение казалось неправильным. Поэтому он ожесточился и спокойно сказал:

— Позвольте мне сначала помочь вашему величеству избавиться от яда. После этого убивайте или режьте — как прикажете.

Тань Чжан ни за что не позволил бы ему прикоснуться к себе. Он дрожал от боли, изо всех сил ударил Цзи Цинбая по лицу. Тот даже не уклонился, приняв удар. Боль была второстепенной, но кровь с руки императора отпечаталась на половине его лица.

Божественная сила Цзи Цинбая уже была на грани истощения, его лицо по сравнению с Тань Чжаном тоже было не лучше. Теперь бледная и изящная половина лица была вся в кровавых подтеках, и на первый взгляд казалось, что он ранен даже тяжелее.

— Ты — если посмеешь прикоснуться ко мне...!

Тань Чжан не успел договорить, как Цзи Цинбай уже склонил голову и взял в рот его рану, из которой сочилась отравленная кровь.

Цзи Цинбай думал: я с вами в одной кровати сплю уже полгода, всё, что можно было коснуться, уже коснулись. Если бы от этого можно было умереть, он бы уже давно вернулся в Обитель Будды драться с Бай Чао.

Император был отравлен уже давно, к тому же только что от гнева яд поднялся в голову, и внутренний огонь Инь последовал за ним. Цзи Цинбай, высасывая отравленную кровь, одновременно выделял божественную силу, чтобы успокоить его боль огня Инь.

Честно говоря, Цзи Цинбай даже сам думал, что он слишком уж старателен. С теми жалкими остатками, что у него были, нужно было поддерживать мужское тело и заботиться о Тань Чжане. Если бы тело Цзи Юй было слабее, он бы уже сейчас отправился искать новую оболочку. Нельзя не сказать, что за последние полгода Будда хорошо его питал, дух стабилизировался, масло в лампе пополнялось, поэтому он смог продержаться до сих пор.

Тань Чжан чувствовал лишь тепло на руке. Действия того, кто высасывал, были мягкими и успокаивающими, не только уменьшая жгучую распирающую боль в ране, но и незаметно подавляя внутренний огонь Инь.

Цзи Цинбай сделал несколько глотков крови, поднял лицо, выплюнул на землю. После

нескольких таких подходов его губы стали ярко-алыми. Он не заметил этого и продолжал усердно сосать. Огонь костра колебался, освещая другую половину его лица, запачканную кровью. Грудь Тань Чжана вздымалась, взгляд был скрытным, выражение неясным.

Цзи Цинбай, увидев, что высасывать почти нечего, снова помог императору сесть прямо. Тань Чжан закрыл глаза, вероятно, от только что пережитого гнева на щеках ещё оставались розовые пятна, выглядел он действительно нежно. Цзи Цинбай растаял от нежности, снова с заботой потянулся потрогать его лоб, но Тань Чжан схватил его за запястье.

Цзи Цинбай...

Он забыл, что это демон. Дело с кошельком и волчьим клыком ещё не решено. Как только силы восстановятся, он наверняка подумает, как убить его.

Как бы то ни было, Цзи Цинбай решил, что должен ещё побороться:

— Подчиненный действительно солгал ранее. Этот кошелек я не нашел, госпожа передала его мне перед уходом.

Он украдкой взглянул на Тань Чжана. Император молчал, огонь освещал его глаза, то ярко, то тускло.

Цзи Цинбай мог лишь набраться смелости и продолжать сочинять:

— Госпожа беспокоилась о безопасности вашего величества, велела подчиненному обязательно найти вас. Этот кошелек она дала мне, чтобы я передал вам. Говорит, раз это ваш подарок, он несет ваше благословение и обязательно защитит ваше величество.

Тань Чжан всё ещё молчал, поэтому Цзи Цинбай, собравшись с духом, добавил:

— И ещё госпожа хотела, чтобы вы знали: она скучает по вам и ждет вашего возвращения.

Произнеся это, Цзи Цинбай даже сам почувствовал неловкость. Хотя он и занял тело молодой девушки, он в конце концов не был ею. Прожив десятки тысяч лет божеством, учиться у смертных этим нежностям было действительно немного неловко.

Но, как ни странно, император, похоже, купился на это.

— Подойди сюда, — вдруг сказал Тань Чжан, тоном бесстрастным, и сжал его запястье ещё сильнее.

<http://bllate.org/book/15582/1387563>